УДК / UDC 94(470.46=512.37)

Письма Дондук-Омбо и Дондук Даши о рыбодобыче в Калмыцком ханстве в 40-е гг. XVIII в. (по материалам Национального архива Республики Калмыкия и Государственного архива Астраханской области)

Андрей Алексеевич Курапов[1], *Саглара Викторовна Бабаева*[2]

Letters from Donduk-Ombo and Donduk Dashi on fishing in the Kalmyk Khanate in the 1740s (based on materials from the National Archive of the Republic of Kalmykia and the State Archive of the Astrakhan Region)

Andrey A. Kurapov[1], *Saglara V. Babaeva*[2]

[1] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

[1] Kalmyk Scientific Centre of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

0000-0002-0521-2710. E-mail: akurapov78(at)rambler.ru

[2] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

[2] Kalmyk Scientific Centre of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

0000-0002-8542-0260. E-mail: kundgabo(at)list.ru

Аннотация. *Введение.* Рыбодобыча в Калмыцком ханстве в 40-е гг. XVIII в., ставшая темой многолетней переписки светской элиты ханства с регио-

© КалмНЦ РАН (KalmSC RAS), 2026
© Курапов А. А., Бабаева С. В. (Kurapov A. A., Babaeva S. V.), 2026

нальными властями и имперскими инстанциями, требует системного исследования с привлечением и введением в научный оборот новых исторических источников. *Цель статьи* — введение в научный оборот ранее не публиковавшихся архивных материалов для выработки объективной оценки формирования системы государственного регулирования рыбного промысла населения Калмыцкого ханства в 40-е гг. XVIII в. *Источниковой базой* исследования стали материалы Государственного архива Астраханской области и Национального архива Республики Калмыкия, опубликованные документы. *Результаты.* Выявлены, исследованы и введены в научный оборот письма Дондук-Омбо и Дондук-Даши, относящиеся к вводимым Российским государством ограничениям в отношении рыбодобычи калмыцких ловцов, что дает возможность для дальнейшего изучения этого процесса. *Выводы.* Перекрестный анализ выявленных архивных материалов позволяет заключить, что рыбодобыча в Калмыцком ханстве в 1740-е гг. являлась одним из традиционных промыслов подвластного населения, став одним из средств выживания для калмыцкого народа в условиях кризиса скотоводства, вызванного суровой зимой 1739–1740 гг. Однако сформировавшаяся к тому времени жесткая откупная система, ориентированная на фискальные интересы казны и поддержку астраханских рыбопромышленников, блокировала доступ к рыбным запасам региона калмыцких ловцов. Несанкционированная рыбодобыча, ставшая темой обращений к региональным властям Дондук-Омбо и Дондук-Даши, спровоцировала поэтапное ужесточение государственного контроля — от ограничительных мер 1737 г. до жестких правительственных предписаний 1745–1746 гг.

Ключевые слова: Калмыцкое ханство, Астраханская губерния, государственное регулирование, рыбный промысел, хан, наместник, астраханский губернатор

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Курапов А. А., Бабаева С. В. Письма Дондук-Омбо и Дондук Даши о рыбодобыче в Калмыцком ханстве в 40-е гг. XVIII в. (по материалам Национального архива Республики Калмыкия и Государственного архива Астраханской области) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2026. № 1. С. 8–26. DOI: 10.22162/2587-6503-2026-1-37-8-26

Abstract. *Introduction.* The fishing industry in the Kalmyk Khanate during the 1740s, which became the subject of years-long correspondence between the secular elite of the khanate and regional authorities as well as imperial institutions, requires a systematic study involving the introduction of new historical sources into scholarly circulation. The *aim* of the paper is to introduce previously unpublished archival materials into scholarly circulation in order to develop an objective assessment of the formation of the system of state regulation of the fishing industry among the population of the Kalmyk Khanate in the 1740s. The *source base* of the study comprises materials from the State Archive of Astrakhan Oblast and the National Archive of the Republic of Kalmykia, as well as published documents. *Results.* The letters of Donduk-Ombo and Donduk-Dashi relating to the restrictions imposed by the Russian state on Kalmyk fishermen have been identified, examined, and introduced into scholarly circulation, which opens up possibilities for further study of

this process. *Conclusions.* A cross-analysis of the identified archival materials allows us to conclude that fishing in the Kalmyk Khanate in the 1740s was one of the traditional livelihoods of the subject population, becoming one of the means of survival for the Kalmyk people amid the livestock crisis caused by the severe winter of 1739–1740. However, the rigid tax-farming system that had taken shape by that time, oriented toward the fiscal interests of the treasury and the support of Astrakhan fishing industrialists, blocked Kalmyk fishermen's access to the region's fish stocks. Unauthorized fishing, which became the subject of the appeals to the regional authorities by Donduk-Ombo and Donduk-Dashi, provoked a gradual tightening of state control — from restrictive measures in 1737 to strict government directives in 1745–1746.

Keywords: Kalmyk Khanate, Astrakhan Governorate, state regulation, fisheries, khan, viceroy, Astrakhan governor

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 "South-Eastern Belt of Russia: Study of the Political and Cultural History of Social Communities and Groups".

For citation: Kurapov A. A., Babaeva S. V. Letters of Donduk-Ombo and Donduk Dashi on Fishing in the Kalmyk Khanate in the 1740s (based on materials from the National Archive of the Republic of Kalmykia and the State Archive of the Astrakhan Region). *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.* 2026. No. 1. Pp. 8–26. DOI: 10.22162/2587-6503-2026-1-37-8-26

Введение

Рыбодобыча и рыбообработка в России XVII–XVIII вв. занимали важнейшее место в экономической жизни государства, являясь не просто отраслью хозяйства, а важнейшим источником казенных доходов и фактором социально-экономического и инфраструктурного развития обширных территорий. Рыба и продукты ее переработки были стратегическими товарами, приносившими казне значительные поступления. Государство использовало широкий арсенал инструментов для извлечения дохода из отрасли: оброчное обложение угодий, откупную систему, таможенные пошлины. Доходы от рыбных промыслов в Астраханском крае традиционно составляли существенную долю регионального бюджета.

В XVIII в. рыбный промысел стал отраслью для отработки управленческих моделей: от жесткой централизации и откупов при Петре I, через попытки казенного управления при Елизавете Петровне, к определенной либерализации при Екатерине II. Эта эволюция отражала общие тенденции развития российской экономической политики, в которой усиливалось понимание необходимости учета региональных особенностей и частной инициативы.

Начало XVIII в. ознаменовалось активизацией системного государственного освоения природно-ресурсного потенциала региона, осуществлявшегося в ходе последовательной регламентации социально-политической и социально-экономической жизни Калмыцкого ханства. Внутриполитическая нестабильность, выразившаяся в затяжном кризисе власти и междоусобных столкновениях в ханстве в 1720–1730-е гг., оказала существенное воздействие на экономическую жизнь калмыцкого народа. Кульминацией

этого процесса стал экономический кризис 1740-х гг., ознаменовавшийся разорением части подвластного населения ханства, вынужденного обращаться к рыбодобыче как к источнику выживания в условиях падения продуктивности скотоводства. Однако несанкционированный, стихийный характер рыбодобычи ловцов Калмыцкого ханства вступал в прямое противоречие с экономическими интересами астраханских рыбопромышленников, действовавших в рамках откупной системы и пользовавшихся административной поддержкой Российского государства. Данное противоречие приобрело характер регионального конфликта, поскольку несанкционированная рыбодобыча калмыцких ловцов наносила ущерб как частным интересам откупщиков, так и бюджетным поступлениям от промысловых сборов. В этой связи необходимость выработки механизмов регламентации калмыцкого рыболовства с целью сохранения социально-экономической стабильности в регионе предопределила активизацию в 1740-е гг. межведомственного диалога, сопровождавшегося интенсивной перепиской, личными контактами калмыцких владельцев с астраханскими губернаторами, региональных властей — с астраханскими рыбодобытчиками.

Отметим, что тема государственного регулирования рыбодобычи в Астраханском крае в 40-е гг. XVIII в. и участия народов и сословий региона в рыбном промысле рассматривалась в актуальных работах С. В. Виноградова, Ю. Г. Ещенко, Е. В. Савельевой, Н. В. Лихолета [Виноградов и др. 2022: 1566–1568], А. И. Комиссаренко [Комиссаренко 2009: 31–33], Н. В. Кузнецова-Липецкого, С. В. Виноградова, Н. И. Кулаковой [Кузнецов-Липецкий и др. 2023: 181–182], А. В. Курышева [Курышев 2013: 21–24], В. Н. Медведева [Медведев 2013: 14–18]. Регламентация Российским государством рыбодобычи ловцов Калмыцкого ханства в 40-гг., взаимодействие светских властей с региональными властями нашли отражение в работах М. М. Батмаева [Батмаев 2022: 18–21; Батмаев 2026: 12–15], В. В. Батырова [Батыров 2010: 105–106], И. С. Крепской (Панченко) [Панченко 2006: 36–39; Панченко 2007: 254–255; Крепская 2008: 15–16], А. К. Манджиева [Манджиев 2020: 235–236].

Подчеркнем, что введение в научный оборот писем калмыцких ханов и владельцев XVIII в., посвященных рыбодобыче калмыцкого народа, позволяет охарактеризовать значимость рыбного промысла для населения ханства и Российского государства, стремившегося регламентировать отрасль, защищая интересы астраханских ловцов и учитывая экономическую ситуацию в Калмыцком ханстве.

Материалы и методы

Основу настоящего исследования составил комплекс архивных дел, характеризующих эволюцию государственного регулирования рыбодобычи ловцов Калмыцкого ханства в 1740-е гг. и отложившихся в фонде 394 «Астраханская губернская канцелярия» Государственного архива Астраханской области (далее — ГА АО) и в фонде И–36 «Состоящий при калмыцких делах при астраханском губернаторе» Национального архива Республики Калмыкия (далее — НА РК). Методологической основой ана-

лиза источников стал сравнительно-исторический анализ, применение которого позволило реконструировать эволюцию ограничительной политики Российского государства в отношении рыбного промысла населения Калмыцкого ханства. Подтверждение достоверности содержащихся в документах сведений осуществлялось путем соотнесения источника с другими архивными материалами, содержащими аналогичную или близкую по содержанию информацию, перекрестного сопоставления фактов.

Государственное регулирование рыбодобычи калмыков в 20-х – начале 40-х гг. XVIII в. Письмо хана Дондук-Омбо о калмыцком рыбном промысле

Анализ делопроизводственной документации 20-х – начала 40-х гг. XVIII в., отложившейся в фондах ГА АО и НА РК, позволяет сделать вывод, что проблема допуска калмыцких ловцов к рыбопромысловым ресурсам Астраханской губернии приобрела статус системной во взаимодействии калмыцких владельцев и российских региональных административных структур, начиная с 1720-х гг. Хронологически одним из первых значимых факторов эскалации этой проблемы в рассматриваемое время выступила деятельность региональных откупщиков, фактически монополизировавших рыбный промысел и тем самым блокировавших доступ к рыбным запасам населения Калмыцкого ханства. М. М. Батмаев приводит сведения о том, что тема калмыцкой рыбодобычи в рассматриваемое время отражалась в рапортах руководителя «Калмыцких дел», полковника В. П. Беклемишева, в переписке генерал-фельдмаршала М. М. Голицына с астраханским губернатором И. А. фон Менгденом, в переписке Дондук- Омбо с царицынским комендантом П. Ф. Кольцовым [Батмаев 2022: 17].

Показательно, что уже в мае 1727 г. руководитель «Калмыцких дел» М. М. Голицын, реагируя на обращение наместника Церен-Дондука, ханши Дарма-Балы и первосвященника Шакур-ламы, отмечавших, что «...с прибытия их под российскую протекцию волжскою рыбою они питались без запрещения, а ныне де от Самары вниз даже до Астрахани рыбу ловить … им запрещают», инициировал перед региональными властями вопрос о необходимости ограничения откупной практики, «…чтоб откупщики и прочие обыватели городов Астраханской губернии никаких ссор не чинили…», что свидетельствует о признании данной проблемы региональными властями и поиска способов ее решения [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 28. Л. 13–13об.].

Важным этапом в развитии диалога правительства с калмыцкими владельцами о регламентации рыбодобычи стал февраль 1734 г., когда Коллегия иностранных дел, рассмотрев жалобу хана Церен-Дондука на препятствия со стороны местной администрации, приняла решение нормативного характера. Предписание, адресованное астраханскому губернатору И. П. Измайлову, содержало требование не чинить препятствий калмыцкой рыбодобыче на территориях их исторического природопользования: «…где прежде сего они кочевали и рыбою довольствовались, в

том и ныне им препятствия им чинить не велеть» [Бакунин 1995: 112]. Данный прецедент важен в нескольких аспектах: он фиксировал официальное признание российскими властями прав калмыцкого народа на региональные промысловые ресурсы, демонстрировал механизм разрешения хозяйственных конфликтов через обращение к высшим имперским инстанциям, свидетельствовал о наличии определенного дисбаланса между интересами местной администрации, откупщиков и кочевого населения, требовавшего административного вмешательства центральных властей.

Таким образом, в 20-е – 30-е гг. XVIII в. формировалась устойчивая практика двустороннего взаимодействия между калмыцкой светской элитой, региональными властями Астраханской губернии и имперскими инстанциями по вопросам регулирования рыбодобычи калмыцких ловцов. Вместе с тем инициатива разрешения конфликтов последовательно переходила от губернского уровня к имперскому, что подчеркивало значимость Калмыцкого ханства для страны.

1 сентября 1737 г. был подписан указ Правительствующего Сената «Об отводе удобного места на реке Волге для рыбного промысла кочующим при Астрахани калмыкам и о запрещении им ловить рыбу в прочих местах», который регулировал вопросы рыболовства ловцов Калмыцкого ханства, определяя режим промысла с четкими территориальными ограничениями.

Сенат, рассмотрев записку Камер-коллегии, установил, что калмыцкие ловцы из разных улусов ханства добывали рыбу с нарушениями установленных правил: осуществляли рыбодобычу в районах казенных промыслов, в морских горловинах и в откупных водах. Калмыцкие ловцы, нарушая запреты, использовали самоловные уды, переметы и большие волокуши. Их несанкционированная рыбодобыча создавала препятствия для казенных рыбных промыслов и откупщиков, арендовавших воды для коммерческого лова [Об отводе 1830: 254–255].

Согласившись с мнением Камер-коллегии, Сенат постановил выделить калмыцким ловцам удобное место для рыбодобычи из числа оброчных рыбных промыслов, освободив этот участок от оброка, вместо утраченного оброка, в оклад были включены доходы из других сборов. Лов рыбы был вновь запрещен в морских горловинах, через которые рыба шла на нерест, в районах казенных промыслов и в откупных водах [Об отводе 1830: 255].

Сенатский указ 1737 г. вновь свидетельствовал, что государство контролировало рыбодобычу региона, защищая казенные промыслы и откупщиков, отслеживало потери доходов казны от рыбодобычи. Калмыцкие рыбодобытчики получали легальный доступ к рыбным ресурсам региона, но с ограничениями и под контролем государства.

Указ от 1 сентября 1737 г. продолжил политику централизованного управления доходами страны, вместе с тем учитывались и интересы населения Калмыцкого ханства. Запрет на использование самоловов, перемет

и больших волокуш также защищал экономические интересы казны, поскольку такие способы рыбодобычи подрывали коммерческую прибыль государственных промыслов [Об отводе 1830: 254–255].

Межведомственная переписка и взаимодействие калмыцких владельцев с представителями российского правительства о рыбопромысловой деятельности населения Калмыцкого ханства в 1730–1740-х гг. позволяют выявить важную закономерность: жесткая регламентация калмыцкой рыбодобычи со стороны российских властей и откупщиков создавала барьеры для ставшего уже традиционным видом природопользования, и любое отклонение от установленного порядка (ситуационная или несанкционированная добыча рыбы) дестабилизировало сложившуюся систему хозяйственных отношений и вступало в конфликт с интересами казенных рыбодобытчиков.

Важное значение для понимания эскалации данного противоречия имеет аргументация, предложенная М. М. Батмаевым: определяющим фактором, побудившим значительную часть подвластного населения Калмыцкого ханства обратиться к рыбодобыче, стали экстремальные погодные условия зимы 1739–1740 гг., вызвавшие массовый падеж скота в калмыцких улусах [Батмаев 2022: 17]. 8 апреля 1740 г. в своем письме полковнику Л. В. Боборыкину об этом так писал Дондук-Омбо: «…вы в бытность свою у нас видели великие снега, от того всякого скота померло многое число, в нынешнем году калмыки стали бесскотны и кроме рыбы чем кормиться иного способу не имеем…» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 121. Л. 112].

В этой ситуации обращение населения ханства к рыбодобыче носило вынужденно-компенсаторный характер и стало реакцией на суровые погодные условия, подорвавшие в 1739–1740 гг. основу кочевого хозяйства.

В 1740-е гг. эта тенденция социально-экономической жизни Калмыцкого ханства не только сохраняется, но и приобретает новые формы: региональными властями отмечается активизация несанкционированной рыбодобычи, осуществляемой калмыцкими ловцами в обход установленных правительством в 1737 г. правил. Одновременно наблюдался отход разорившихся простолюдинов ханства — представителей податного населения, лишившегося скота и, следовательно, средств к существованию, — на рыбные промыслы Астраханской губернии. Отметим, что данный процесс можно рассматривать как определенный социально-экономический индикатор: он свидетельствует о том, что экономический кризис в Калмыцком ханстве привел к формированию устойчивых миграционных потоков в направлении астраханских промысловых центров, что, в свою очередь, требовало от российских властей выработки адекватной стратегии.

Таким образом, анализируемый период характеризуется сложным переплетением природных, экономических и административных факторов, в результате которого рыбодобыча превращалась из традиционного, но второстепенного для Калмыцкого ханства, промысла в способ выживания для значительных масс калмыцкого населения, что неизбежно вступало в

противоречие с регламентированной региональной системой рыбодобычи и активизировало ограничительную государственную политику.

М. М. Батмаев приводит сведения о письмах Дондук-Омбо, в которых хан поднимал тему падежа скота населения Калмыцкого ханства в 1739– 1740 гг. и допуска калмыцких ловцов до рыбодобычи царицынскому коменданту П. Ф. Кольцову (5 сентября 1739 г.) и полковнику Л. В. Боборыкину (8 апреля 1740 г.) [Батмаев 2022: 17].

В фонде 394 «Астраханская губернская канцелярия» ГА АО нами было выявлено письмо Дондук-Омбо астраханскому губернатору М. М. Голицыну, возглавившему регион в январе 1740 г.

Приведем это письмо полностью:

«Перевод с письма калмыцкого хана Дондук-Омбо, полученного через унтер-офицера Бориса Попова 31 марта 1740 года

Хана Дондук-Омбо письмо

Здесь мы со всеми здоровы, Вы генерал, князь Михайло Михайлович, верный друг мой, тамо здравствуете?

Из присланного Вашего ко мне письма узнал, что для управления Великой Государыни дел в Астрахань прибыли губернатором я усмотрел, и вложенное от Боборыкина письмо я получил, и дабы Ваш приход в дела Великой Государыни и нам со всеми тако ж Вам и всем был счастливым, я уповаю вам быть небезызвестным, что наша фамилия от деда Аюки-хана, и как Ваши большие братья: князь Борис Алексеевич и фельдмаршал, князь Михаил Михайлович, с дедом нашим были в крепкой дружбе и призрением своим всякое вспоможение чинили, и я ныне о прибытии вашем с поручением Великой Государыни дел в Астрахань радуюсь.

При сем вам объявляю, нынешней зимою по ведомостям что киргис-кайсаки шли войною калмыцкие улусы были все собраны в одно место и от жестокой зимы скоту много повалилось, и многие калмыки в убожество пришли, которым кроме рыбы пропитание иметь способу не имеется, а понеже издревле в калмыцких местах и рыболовных водах от недавних чисел и доныне русские люди рыбу ловить запрещение имели.

Того ради дружески вас прошу ныне уместным для пропитания нынешнее время рыбу ловить калмыкам возымейте хорошее старание, и для бытия всем иметь от несправедливых запрещений вы запретите, и для пропитания рыбою калмык перепустя через Волгу до урочища Кичаса, а по нагорной стороне — до Мочагов ловить дозвольте, и обо всех в убожество пришедших калмыках в пропитании рыбной ловли удобовозможные способы со своей стороны приложите старание. Ныне вновь вам к объявлению ведомости донесть не имею, а убогих калмык для пропитания рыбою к Волге и к Мочагам я послал, а я с улусами буду кочевать по Ергеням и приду на Сарпу.

У письма печать Дондук-Омбо хана калмыцкого.

Писано 25 марта 1740 года.

Переводчик Гаврило Кальшкин» [ГА АО. Ф. 394. Оп. 4. Д. 63. Л. 6–6об.].

В деле отложился и оригинал письма Дондук-Омбо на «тодо бичиг» («ясном письме»), который в значительной степени дополняет контекст переписки [ГА АО. Ф. 394. Оп. 4. Д. 63. Л. 5].

Ниже приведены транслитерация и современный (диахронический) перевод текста письма. В транслитерации использованы следующие обозначения: номера строк — в круглых скобках; перенос слова — косой чертой (/); аффиксы или части слова, написанные отдельно от основы, — через дефис (-); двоеточие и четвероточие использованы для передачи аналогичных пунктуационных знаков в виде вертикально написанного двоеточия и ромба из четырех точек (о пунктуации в ойратском «ясном письме» и старомонгольской письменности см. [Павлов 1994: 84; Кара 1972: 50–52]). В фигурных скобках приведены пропущенные слова, вписанные слева от строки.

Из особенностей графики письма можно отметить классическую «угловатую» форму лабиальных гласных *о* и *ӧ* и наличие диакритики у твердорядного *и* во всех случаях, за исключением единичного написания в лексеме *tandu* (строка 11), что отмечено в транслитерации как *и* с нижним подчеркиванием. Штрих у твердого *и* отсутствует также в написаниях удвоенного гласного *uu* у второго знака, что является негласным правилом орфографии в классическом «ясном письме», когда в сочетаниях *ou* и *uu* у второго *и* штрих слева никогда не ставится [Павлов 1994: 105; Rákos 2015: 105]. Из грамматических особенностей можно отметить частотное использование частиц возвратного и личного притяжаний, что характерно и для писем Дондук-Даши [Кокшаева 2011: 94]: *ireqseyiteni / ireqsenteni* ‘Вашего прибытия’, *bičigēseteni* ‘из Вашего письма’, *axanarān* ‘своих старших братьев’, *inaγān* ‘своему другу’, *albatuyimani* ‘наших подданных’, *inaγāsan* ‘из дружбы’ и т. д.

Транслитерация

(1r: 1) xan don grob dbangpoyin[1] bičiq: ende bida bügüdēr mendü:: ginaral (2) kinas mixāli mixāliči {itegeltei inaq mini}: ta tende mendü beyize: yeke ezeni üyile dāǰi keküyin (3) tölō ayidarxani gübarnad bolǰi ireqseyiteni nada ögüqsen bičigēseteni (4) üzeǰi medebebi: {babārikini bičiq basa irebe}: ende ireqsenteni dēre yeke ezeni üyiledü bolōd mandu (5) olon bügüdēr-tü bolōd: tani beyedü: niyidedü ölzöyitöi boltuγai:: (6) urdaki uq mani: mini öbökö ā-yüü-xe xān: tani axa kinas boris (7) eleqseyiüüči: bolōd basa tani axa pērd maršel kinas mixāli mixāliči (8) tere xoyor axatani mini öbökō{sö} nārān manāsayixa inaq batutai bolōd mandu (9) ōcö ügei tusān sayitur kürgeǰi urālān tiyimi sayixan bayiqsayini ta čigi (10) mededeq biyize: odō tani ayidarxan-du ireǰi yeke ezeni üyile dāǰi (11) ireqsen-dü tani: urdaki {axanarān tani} inaγān sanaǰi bayarlababi: odō tandu küüne/kü üge mini ene: übül xasaq āšin geǰi zanggi sonosōd nutuq mini (13) cuqlaǰi übülzēd: yeke zudā

[1] От тиб. *don grub dbang po* ‘владыка, достигший цели (в данном случае речь идет о конечной цели буддийской практики — достижении Пробуждения)’. Тибетское *don grub* — калькированный перевод санскритского *Siddhartha*, имени принца, впоследствии ставшего Буддой Шакьямуни.

xarγād: mal mani yeke zutaba: olon alba/tu mani ügeyireǰi zaγasunāsa öbörö xōl teǰēkü arγa ügei bolbo: (15) kezēnei mani xalimagiyin zaγasu idedeq usun γazartuni šidarāsa nārān orus (16) xorīd zaγasu angnuuldaq ügei belei odō olon mani zaγasu idekü (17) caq dēre: ta sayitur kiliǰi usu γazariyini dimii xoridogiyini uu/ruulǰi: zaγasučiyimani eǰil γatulγaǰi tere talki zaγasuyini (19) idüülǰi kiyiγas kürtele idüülüyite: ene talki zaγasuyini macaq (20) kürtele xorīsu ügei yerü ügei-reqsen olon albatuyimani zaγasu (21) arγalaǰi idekü züyigiyini olǰi kiliyite geǰi tanāsa inaγāsan itegeǰi (22) erineyibi: mandu ene biyidü sonin zanggi ügei zaγasučīn eǰil macaq-tu (23) oro geǰi ilgebe bide: nutuγān ergene kübölöǰi šorbo tala γaruya geǰi bayinai {bida::} (24) tömör mečin ǰiliyin xaburiyin dunda sarayin nayiman-du bičibe::

Перевод

«Письмо хана Дондук-Омбо. Мы все пребываем в добром здравии. Надеюсь, и Вы, мой верный друг, генерал, князь Михаил Михайлович, также здравствуете.

Из направленного мне Вами письма я узнал о том, что Вы назначены губернатором Астраханской губернии для исполнения деяний Ее Императорского величества. Также пришло письмо и от Боборыкина. Да будет Ваше прибытие благоприятным как для свершения дел Ее Императорского величества, так и для нас всех и для Вас самого.

Наши старшие предшественники — мой дед Аюка-хан и Ваши старшие братья, князь Борис Алексеевич и фельдмаршал князь Михаил Михайлович, начиная со времени правления моего деда и вплоть до нынешних дней были верными друзьями, неизменно оказывали нам помощь и поддерживали прекрасные отношения. Вам, без сомнения, об этом хорошо известно. И ныне, когда Вы прибыли в Астрахань для исполнения повелений Ее Императорского величества, я исполнен радости, памятуя о дружеских связях с Вашими старшими братьями.

А теперь я обращаюсь к Вам со следующей просьбой. Зимой, получив известия о приближении кайсаков к нашим кочевьям, мои люди были вынуждены перекочевать на зимовку, после чего случился великий падеж скота. Многие из моих подданных разорились и ныне добывают себе пропитание рыболовством. Прежде в тех местах, где сейчас калмыки промышляют рыбу, для русских существовал запрет на ловлю. Ныне же, когда наши люди в большом числе занимаются рыбным промыслом, прошу Вас своими стараниями отменить прежний запрет в этих угодьях. Уповая на Ваше дружеское расположение, прошу дозволить рыбакам, переправляющимся через Волгу, ловить рыбу на той стороне вплоть до косы, а на этой стороне — вплоть до Мочаг разрешить промышлять рыбу моим подданным, не имеющим иных средств к пропитанию. Доселе с этой стороны не было никаких вестей, и мы уже отправили разрешение рыбакам ходить на Волгу и в Мочаги. Мы же выйдем к Сарпе, кочуя в Ергенях.

Написано в 8-й день второго весеннего месяца года *железо-обезьяна*».

Государственное регулирование рыбного промысла калмыков в правление Дондук-Даши. Письмо Дондук-Даши о рыбодобыче

Анализ динамики административно-правового регулирования калмыцкой рыбодобычи в 1740-е гг. позволяет выявить прямую связь между конфликтами региональных рыбопромышленников с калмыцкими ловцами и ужесточением государственного контроля за рыбным промыслом Калмыцкого ханства. Многочисленные обращения и жалобы со стороны астраханских рыбопромышленников, фиксирующие факты несанкционированной добычи рыбы калмыцкими ловцами, предопределили разработку и внедрение ограничительных мер со стороны региональной администрации в лице астраханских губернаторов В. Н. Татищева и И. А. Брылкина и их взаимодействие с владельцами Калмыцкого ханства.

Ситуация с калмыцкой рыбодобычей значительно обострилась после смерти хана Дондук-Омбо в 1741 г., что указывает на наличие прямой зависимости между стабильностью внутриполитического положения в Калмыцком ханстве и его социально-экономической жизнью. Временная утрата сильной централизованной власти в ханстве приводит, в том числе, к активизации несанкционированного вылова рыбы и конфликтам калмыцких ловцов с астраханскими рыбопромышленниками.

На наш взгляд, рассматриваемый период характеризуется переходом от разрозненных административных санкций за отдельные нарушения правил региональной рыбодобычи калмыцкими ловцами к системным мероприятиям. Системная аналитика и активизация государственного регулирования региональной рыбодобычи в 1741–1745 гг. связана с деятельностью астраханского губернатора В. Н. Татищева, который стремился интенсифицировать развитие рыбного промысла в Астраханской губернии, исследовав состояние отрасли. Региональным рыбным промыслам была посвящена аналитическая записка В. Н. Татищева от 27 декабря 1741 г. «Об отдаче на откуп рыболовных вод с целью увеличения казенных доходов» [Татищев 1990: 287]. Для исправления кризисной ситуации в отрасли губернатор видел лишь один путь: «…доброе прилежание и верность губернатора, а к тому полная ему мочь и достаточная помощь от Сената, и надежной товарищ» [Татищев 1990: 288].

Исследование архивного материала НА РК позволяет сделать вывод о том, что в комплексе документов, относящемся к периоду правления Дондук-Даши, содержатся свидетельства системной административной политики, направленной на ограничение калмыцкого рыбного промысла. Выявление и введение в научный оборот таких материалов представляет значительный исследовательский интерес, поскольку позволяет проследить процесс формирования и механизмы реализации таких ограничительных мероприятий, оценить реакцию на них светской элиты Калмыцкого ханства и последствия. Примечательно, что значительный объем переписки по вопросам регулирования рыбодобычи связан именно с Дондук-Даши, что подтверждает значимость решения вопроса о допуске калмыцких ловцов к рыбным промыслам региона для наместника.

1741–1742 гг. датируется массив документов, выявленный в фондах НА РК и относящийся к взаимодействию Дондук-Даши с В. Н. Татищевым по вопросам регулирования промысла калмыцких ловцов. Импульсом к началу переписки и личных встреч губернатора и наместника для обсуждения вопросов, связанных с калмыцкой рыбодобычей, послужил именной императорский указ от 31 августа 1741 г., полученный В. Н. Татищевым 11 октября того же года [НА РК. Ф. И–36. Оп. 1. Д. 158. Л. 422]. К указу прилагались копии доношения наместника Дондук-Даши, поданного им в Санкт-Петербурге, и ответная грамота правительства. Наместник указывал на бедственное положение калмыцкого народа, для которого рыбодобыча стала средством к существованию. Однако ответная грамота оставляла окончательное решение открытым, фактически сохраняя действовавшие ограничения [НА РК. Ф. И–36. Оп. 1. Д. 158. Л. 422].

В январе 1742 г. состоялась серия встреч губернатора с наместником и тематических межведомственных совещаний, зафиксированных в ряде документов [НА РК. Ф. И–36. Оп. 1. Д. 143. Л. 4–4об., Л. 20об.–22об.; НА РК Ф. И–36. Оп. 1. Д. 140. Л. 33–33об.]. Промежуточным итогом обсуждения государственного регулирования калмыцкой рыбодобычи в 1742 г. стал контролируемый компромисс: калмыцким ловцам предоставлялся доступ к промысловым ресурсам региона, но только в рамках сложившейся откупной системы, без права свободного распоряжения уловом.

С 1743 г. надзор за калмыцкой рыбодобычей был поручен статскому советнику П. А. Соковнину — главе Астраханской и Саратовской рыбных контор. Именным указом Правительствующего Сената ему с 1743 г. предписывалось вступить в должность главного командира над Астраханскими, Саратовскими и прочими рыбными промыслами, находившимися в ведении Астраханской и Саратовской рыбных контор [ГА АО. Ф. 614. Оп. 1. Д. 238. Л. 1]. В Астраханской рыбной конторе для развития промыслов определялся в качестве товарища московский купец И. Мыльников, который сообщал в Сенат, что близ Астрахани и по берегам Волги и Яика кочевали татары и калмыки, которые вблизи казенных учугов и ватаг добывали рыбу неводами и переметами, продавали рыбу, икру и клей частным лицам, нанося существенный ущерб казенным доходам [ГА АО. Ф. 614. Оп. 1. Д. 238. Л. 1]. Купец считал необходимым запретить кочевникам добывать рыбу переметами и неводами, разрешив вылов только удами и малыми сетями, отвести им места казенных и откупных угодий, запретив частным лицам покупать у них рыбу, икру и клей. Сенат поручал П. А. Соковнину выработать окончательное решение по ограничению калмыцкого и татарского рыболовства и доложить о принятых мерах [ГА АО. Ф. 614. Оп. 1. Д. 238. Л. 2]. Изборщикам и доверенным лицам, определенным И. Мыльниковым, предписывалось наблюдать, чтобы калмыки не ловили рыбу в казенных водах с использованием запрещенных снастей, подавать жалобы в соответствующие инстанции без прямого конфликта с нарушителями [ГА АО. Ф. 614. Оп. 1. Д. 238. Л. 2].

Преемник В. Н. Татищева И. О. Брылкин продолжил активное взаимодействие с правительством и Дондук-Даши по вопросам регулирования

рыбодобычи калмыцких ловцов. 23 декабря 1745 г. губернатор получил указ императрицы Елизаветы Петровны из Государственной коллегии иностранных дел, направленный на пресечение «калмыцкого воровства» (разбоев и грабежей) [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 210. Л. 10]. Указ предписывал разрешить обедневшим калмыкам иметь для рыбной ловли и пропитания только мелкие, двухвесельные лодки, четырех- и шестивесельные лодки, а также другие крупные суда, было предписано отбирать и уничтожать (колоть), жителям Астраханской губернии было запрещено продавать калмыкам лодки без ведома губернатора под угрозой тяжкого штрафа [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 210. Л. 10]. 31 января 1746 г. И. О. Брылкин приказал сообщить об этом приказе в Духовную консисторию, магистрат, Астраханскую рыбную контору, Полицмейстерскую контору, в гарнизонную канцелярию, портовое управление, Татарскую контору, а также воеводам и комендантам всех городов губернии [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 210. Л. 10].

Местным властям, управителям учугов, ватаг и промышленникам предписывалось строжайше следить, чтобы калмыкам не продавали лодки без разрешения губернатора. Если же обедневшим калмыкам разрешалось жить при учугах и ватагах для пропитания рыбой, то за ними следовало установить крепкий надзор силами управителей этих промыслов и зайсангов [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 210. Л. 10об.]. В случае если у калмыков обнаруживались крупные лодки, их следовало отбирать, уничтожать и докладывать губернатору [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 210. Л. 10об.].

Указ 1745 г. свидетельствовал об ужесточении политики в отношении калмыцких ловцов в середине 1740-х гг., что было вызвано ростом несанкционированной рыбодобычи и экономическим кризисом в ханстве.

В фонде И-36 «Состоящий при калмыцких делах при астраханском губернаторе» НА РК нами было выявлено письмо Дондук-Даши астраханскому губернатору И. О. Брылкину, демонстрирующее реакцию светской элиты ханства на ограничения калмыцкой рыбодобычи в 1745–1746 гг.

Приведем это письмо полностью:

«Перевод с письма калмыцкого наместника Дондук-Даши, полученного 6 апреля 1746 года, через посланика его Эльдепа

Ее Императорского Величества действительному советнику, сенатскому обер-прокурору, кавалеру, Астраханской губернии губернатору Ивану Онуфриевичу Брылкину пишу.

Писали ко мне бодокчеи, что убогих калмык лодки колют, и для того о причине оного к вам пишу, в минувшем зимнем первом месяце 22 то есть декабря в 4 числе великий канцлер Алексей Петрович писал ко мне, что указом повелено калмыкам лодки держать против обыкновенных российских ловецких двувесельных лодок, а ежели явятся более, те лодки колоть, о чем и к вам указ послан, и повелено мне в калмыцком во всем народе о том объявить, чего ради прошедшей зимою в калмыцких улусах объявлено, а по Волге и в прочих местах для объявления к бодокчеям письмо с переводчиком Калюшкиным послано, и ежели бы по тому объявлению калмыки не унялись, то б винови быть могли, и оных лодки колоть бы

должно, вы же до вскрытия вод, и калмыки еще объявлению преслушие не учинили, а колоть приказали, оное мне не бессумнительно, великий канцлер ко мне писал, чтоб у калмык имелись лодки против российских ловецких лодок, а в расколотых вами лодках надеюся, что больших явилось лодок немного, и ежели канцлерское письмо недействительно, а калмыки все содержание свое имеют от лодок, то не по велено ли будет по вашему рассмотрению русским людям за оные лодки деньги или другие лодки дать, или дозволить, что б калмыки большие лодки малыми могли переделать, ибо по крайней мере калмыцких лодок может быть пять или шесть тысяч, в которых весьма немалая сумма денег обстоит, которые ни казне их величества, или б у вас быть не может, и ежели оные напрасно утратить, то не токмо подданных Ее Императорского Величества, калмыков, но и всякому ущерб приключиться может, и для того предаю на ваше рассуждение.

2. Я уповаю скудные калмыки ежели будут иметься при Волге, и в других близ Волги местах, то без суда никогда пробыть не могут, ибо и на преж сего между калмык у волжских россиян в несогласиях усмирять было неможно, и для того прошу вашего совету о оных калмык, кои имеются по городам, на ватагах по Волге, и в косах, и на Волжском устье, всех безостатку неповеленному будет выслать в Мочаги, а в Астрахань, кому потребно, чтоб ездили с проезжими письмами, а кроме оного ежели лодки у калмык переведутся, то калмыков к содержанию своему никакого способа иметь не можно, из оных же убогих несколько калмыки в косах бы жить дозволить, да по нынешнему случаю препятствуют кайсаки.

3. О вышеписанном и о прочем что касается до справедливости, велел вам Бордону объявить, а что от вас приказано будет, Бордон меня уведомит.

4. По нашему обыкновению Басурману с войсками надлежало выступить 17 числа, то есть 27 марта, которого дня уже и выступил, а при вас которые находятся улус о том известия от вас еще не получил.

5. По возвращении от меня вашего лекаря я весьма одержим был застарелою болезнею, дружески вас прошу отписать, чтоб наискорее прислано было лекарство.

Вашего приятельства снискатель

Дондук-Даши

Писано при урочище Джан Сенме вешнего второго месяца 19, то есть 29 марта 1746 году.

У письма печать Дондук-Даши наместника калмыцкого, переводил Гаврило Калюшкин» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 211. Л. 102–103об.].

Сохранился и оригинал письма Дондук-Даши на «тодо бичиг» («ясном письме»), дополняющий контекст переписки [НА РК. Ф. И–36. Оп. 1. Д. 211. Л. 101–101об.].

Ниже приведены транслитерация и современный (диахронический) перевод текста письма. В транслитерации использованы те же обозначения, что и выше: в круглых скобках — номера страниц и строк; косая черта

— в случае переноса части слова на следующую строку; дефис — в случае раздельного написания аффиксов; фигурные скобки — для пропущенных слов, вписанных между строк, угловые скобки — для вычеркнутого текста. Что касается пунктуации, то в данном письме часто используется сочетание четвероточий, разделенных двоеточием. Из дополнительных знаков транслитерации, не встречающихся в тексте первого письма, можно указать *ҡ*, обозначающий твердый *k* (*zaҡā*, *ҡalaškinār*, *ҡančilāriyin*). Также стоит отметить, что в тексте письма используются цифры, но не традиционные для «ясного письма» тибетские, а арабские.

Данное письмо немного отличается с точки зрения графики и орфографии от вышеприведенного письма Дондук-Омбо. В первую очередь это касается способа написания лабиальных гласных *o* / *ö*, которые здесь уже не имеют выраженной квадратной формы и схожи с гласными *u* / *ü*. У гласного *u* отсутствует диакритика в написании аффиксов *-xu*, *-xuna*[1], что отмечено в транслитерации с помощью обозначения *u* с нижним подчеркиванием, а также в сочетаниях *ou* / *uu*. Также можно отметить, что долгота гласных чаще передается сочетаниями *ou* / *öü*, нежели *uu* / *üü*, что, по мнению многих исследователей ойратского письма, является особенностью ранних текстов на «тодо бичиг» [Павлов 1994: 193; Яхонтова 1996: 20]. Что касается грамматических особенностей данного текста, привлекает внимание частое использование аффикса условного деепричастия (CV.SUCC) *-xuna* / *-küne*, который Н. С. Яхонтова характеризует как инвариант аффикса *-xulā* / *-külē*, более близкий к разговорному стилю [Яхонтова 1996: 94].

Транслитерация

(1r: 1) ayidarxani güberni gübernator: ibān anoubpi-üči birilkin-dü bičibe:: : :: (2) mani bōdoqčin nāda bičiǰi: ügeyitei xalimagiyin ongγocosi ebdeǰi bayinai geǰi: töüni (3) učiri tandu bičinei bi:

zarliq geǰi önggüröqči zula sariyin xorin xoyor-tu (4) orusiyin zaγasu angnadaq ongγocoyin yosutu ongγocōr xoyor xayibuurtayiγār (5) yabuǰi xalimaq üyile zaγasān angnatuγai: töünēse biši ilöü yeke bolōd xoyor (6) xayibāsa ilöügēr bolxu̲na: töüni abči ebdetügei geǰi tandu zaҡā ilgebe: tegēd (7) namayigi bügüde xalimaq-tu ene yosu zarloul geqsen tere yosōr endeki ulus/tu zarloulād eǰil-dü bolōd tere aldiyin γazarmoud-tu-ki ulus-tu: zarla/xu̲ bičigi piravāčiq ҡalaškinār bōdoqčin-du übülēr ilgeǰi belei bi: töügēr ese (10) uuraxu̲na xalimaq buruutai bolxu̲ sanǰi: tegēd yamāru bese ebdeküdü zöb sanǰi: odō (11) mösün unād ödüi xalimaq zarčimāsa dabād ödüi bayitala: tani ebdöülǰi bayinai gekü/dü alang bolbobi: yeke ҡančilāriyin nada bičiqsen orusiyin zaγasu angnadaq ongγocoyin (13) yosōr bolxu̲ geqsen tere youn belei: tani ebdöülsen ongγoco-du orusiyin zaγa/su angnadaq ongγocōso yeke ongγoco cō̲kün beyize: ҡančilāriyin tere zarliq dimei (15) bolxu̲na: tere ügeyitei küüni tere ongγoconi xamuq aǰi töröülǰi yabuuldaq youmani (16) tere bišu: töüni esküne mönggü öqči esküne tani zöb geqsen ongγoco

[1] Д. А. Павлов указывает, что в «ясном письме» допускалось написание твердого *u* без диакритики после твердых согласных *x* и *γ* [Павлов 1994: 105].

ene xoyo/riyin nigeyini öqči orus küün abtaγayila: esküne töüni ezen xalimaqni töünēn bičixan (18) bolγoǰi xasuǰi abtuγai: bügüdēr xalimagiyin ongγoconi adaq bolxu̲dān tabun zuryān (19) mingγan beyize: tere cuγār yamāru yeke mönggün: tödüi caq mönggün ezen-düni čigi (20) biši: esküne tandu čigi biši eǰi ügei ebdeǰi ürēküne: töüni ezen xalimaqtu (21) bayituγai ken-dü bese xoromǰi bišiyu: tere tölō ezeni üyileči ta medekü ülü (22) bayinu:: ::

2. yerü ene ügeyitei xalimaq eǰil bolōd: tere aldayin γazarmuud/tu bayixu̲na: yerü iyimi üge zaryu̲ moxorxu̲ aryа ügei beltei: urāla yamar (24) besēr aryalaǰi ügeyitü xalimaq eǰiliyin orus xoyoriyin zuugīn zaryui/gi tasulǰi yadaba bida: odō tiyimi xalimagi youma üldēl ügei: (26) balγasud bataγa bolōd eǰil kiyiγas eǰiliyin belčir edendü küü üldēl ügei (1v: 1) macaqtu γaryād: ayidarxan-du odxu̲ töünei kereqtei küün xālu/γayin bičiqtei yabuxu̲na aryani ene bolxu̲ bu geǰi tanā zöbčilöǰi bičibe: (3) töünēse bišēr <tani> ongγoco {cuγari} ügei bol{γo}xu̲na: tere ulus yerü aǰi (4) bayiǰi ulus bolǰi čidaxu̲ ügei: nige zarimiyini kiyiγastu bayilγaxu̲ (5) belei: xasagiyin iyigeǰi bayixu̲ caqtu boluši ügei:: : ::

(6) 3. ene üyileyin učir bolōd: biši čigi zaryu̲ youmani xu̲bi (7) bordōn-ni tandu küüneǰi tani youn geqsei{gi}: bordōni nāru ilge gebe<bi> (8) bi:: : ::

4. ceriq-tü yabuqči busurmani arban dolōn mani yosōr (9) ödürni tere bolōd γaryababi:: tani γartuki ulusiyin xu̲bi (10) xariu̲ irēd ödüi:: : ::

5. tani emčiyin xoyino xoučin mini (11) küdölōd yekede zobōbo: dēre bičiqči emiyin učiri ali (12) ötörōr bolxu̲i-gi tanāsa inaγāran erinei bi:: : ::

(13) tan-du inagi küseqči don-rob raši[1] *(14) γal bar ǰiliyin moγoi sariyin 19-dü rgya seyidtü (15) bičibe::*

Перевод

«Обращаюсь к губернатору Астраханской губернии Ивану Ануфриевичу Брылкину.

Наши бодокчеи пишут мне о том, что у бедных калмыков разбивают лодки, и потому обращаюсь к Вам по этому вопросу. По приказу 22 числа минувшего первого месяца зимы было объявлено, что калмыкам дозволяется иметь двухвесельные лодки по размеру обычных российских промысловых лодок, а если лодки больше по размеру или имеют больше двух весел, то разрешается их бить. Этот указ был направлен и Вам. Мне было велено объявить об этом всему калмыцкому народу, поэтому зимой я довел это до сведения местных жителей и направил бодокчеям приказ [в улусы] на Волге и других близлежащих территориях через переводчика Калюшкина. Если бы после этого [калмыки] не прекратили [рыбачить на таких лодках], они были бы виноваты, и их лодки следовало разбить. Однако мне непонятно, почему Вы дали поручение их разбивать еще до того, как сошел лед и люди еще не нарушили данный указ. Великий канцлер писал мне о том, что можно использовать лодки размером как российские промысловые. Среди лодок, которые были разбиты по Вашему приказу, мало таких, которые по размеру превышают российские промысловые лодки. Может быть, слова канцлера уже утратили силу, тем не менее

[1] От тиб. *don grub bkra shis* ‘[наделенный] благополучием, достигший цели’.

эти бедные люди живут только за счет этих самых лодок. В таком случае пусть русские покупают эти лодки или дают взамен другие, разрешенные по Вашему [повелению], либо пусть владеющие этими лодками калмыки уменьшат их в размере. Ведь в целом общее количество калмыцких лодок может составлять пять–шесть тысяч, что составляет весьма большую сумму, которой сейчас нет ни в казне Его Величества, ни у Вас. И если ее потерять впустую, то это будет ущерб не только для подданных калмыков. Поэтому я обращаюсь к Вам, чтобы Вы подумали об этом.

2. Вообще эти бедные калмыки на Волге и близлежащих землях без лодок жить никак не смогут, не нарушая закон. Ведь и раньше в любом случае между бедными калмыками и волжскими русскими возникали споры, которые очень тяжело было разрешить. Поэтому я прошу Вашего совета и предлагаю отправить в Мочаги таких калмыков, кто находится в городах, ватагах вдоль Волги, в устье и на косах реки, всех без исключения, а если им нужно отправляться в Астрахань, требовать от них проезжие письма. В противном случае, если совсем лишить этих людей лодок, у них не будет никакого способа существования и пропитания. Можно было бы поселить некоторых на косах, но, пока там живут кайсаки, это невозможно.

3. Я направил Бордона, чтобы он изложил Вам эти обстоятельства и все, что касается справедливости, и передал мне Ваш ответ.

4. Бусурмана с войском я направил в семнадцатый день по нашему календарю. Ответ относительно вашего улуса еще не пришел.

5. После [визита] Вашего лекаря моя старая [болезнь] вернулась и меня совершенно измучила. Дружески прошу Вас, чтобы запрошенные лекарства были отправлены как можно скорее.

С дружескими чувствами к Вам Дондук-Даши. Написано в год *огонь-тигр* месяца змеи 19-го числа в [местечке] Джа-сейид».

Заключение

Анализ архивных материалов, отложившихся в фондах Государственного архива Астраханской области и Национального архива Республики Калмыкия, позволяет констатировать наличие комплекса документальных источников, посвященных вопросам государственной регламентации рыбодобычи населения Калмыцкого ханства в 40-е гг. XVIII в. Выявленный корпус документов имеет важное значение для изучения механизмов административного регулирования рыбного промысла региона.

Рыбодобыча в Калмыцком ханстве в рассматриваемый период выступала не просто хозяйственным промыслом, но и свидетельством социально-экономического кризиса и инструментом выживания населения ханства. Жестко регламентированная откупная система Российского государства, защищавшая фискальные интересы казны и региональных рыбодобытчиков, не позволяла интенсивно развиваться калмыцкой рыбодобыче, что вызывало озабоченность светской элиты ханства. Кризис кочевого скотоводства, спровоцированный погодными условиями зимы 1739–1740 гг., вызвал волну несанкционированного рыбного промысла, которая, в свою очередь, спровоцировала поэтапное ужесточение госу-

дарственного регулирования, вплоть до репрессивных мер 1745–1746 гг. Вводимые в научный оборот источники свидетельствуют, что в рассматриваемое время политика Российского государства в отношении калмыцкой рыбодобычи носила ситуативный характер и не имела системности. Фискальные интересы Российского государства доминировали над потребностями населения Калмыцкого ханства, что закладывало основу для дальнейших социально-экономических конфликтов в регионе. Дальнейшее изучение переписки позволит уточнить механизмы принятия решений в условиях взаимодействия элиты Калмыцкого ханства с региональными властями и имперскими инстанциями.

Источники

ГА АО — Государственный архив Астраханской области.
НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Литература

Бакунин 1995 — *Бакунин В. М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского и поступков их ханов. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 158 с.

Батмаев 2022 — *Батмаев М. М.* Развитие калмыцкого рыболовства в XVIII в. и его регулирование российской администрацией // Вестник Калмыцкого университета. 2022. № 3(55). С. 14–21.

Батмаев 2026 — *Батмаев М. М.* Положение калмыков на рыбных промыслах Нижнего Поволжья в XVIII в. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2026. № 1(86). С. 9–18.

Батыров 2010 — *Батыров В. В.* Рыболовный промысел. Отходничество // Калмыки. М.: Наука, 2010. С. 105–111.

Виноградов, Ещенко, Савельева, Лихолет 2022 — *Виноградов С. В., Ещенко Ю. Г., Савельева Е. В., Лихолет О. В.* Проблемы освоения окраинных российских территорий в XVIII в.: Поиск стратегии (на примере Волго-Каспийского рыболовного района) // Былые годы. 2022. № 17(4). С. 1564–1574.

Кара 1972 — *Кара Д.* Книги монгольских кочевников (семь веков монгольской письменности). М.: ГРВЛ, 1972. 195 с.

Кокшаева 2011 — *Кокшаева Н. О.* Языковые особенности эпистолярного наследия калмыцкого хана Дондук-Даши (середина XVIII в.). Элиста: Герел, 2011. 191 с.

Крепская 2008 — *Крепская И. С.* Калмыки в экономической политике России (1700–1771 гг.): автореф. дисс. … канд. ист. наук. Астрахань, 2008. 21 с.

Комиссаренко 2009 — *Комиссаренко А. И.* Астраханский рыбный промысел в контексте административной политики России в XVIII веке // Русь, Россия. Средневековье и Новое время: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. памяти акад. РАН Л. В. Милова (г. Москва, 17–18 сентября 2009 г.). М.: Изд-во МГУ, 2009. С. 30–35.

Кузнецов-Липецкий, Виноградов, Кулакова 2023 — *Кузнецов-Липецкий Н. В., Виноградов С. В., Кулакова Н. И.* Государственная политика регулирования трудовой миграции в Волго-Каспийском рыболовном районе во второй половине XVIII – первой половине XIX в. // Журнал фронтирных исследований. 2023. № 4. С. 178–202.

Курышев 2013 — *Курышев А. В.* Рыбный промысел у казаков Волжского войска // Этнографическое обозрение. 2013. № 5. С. 21–28.

Манджиев 2020 — *Манджиев А. К.* К вопросу о развитии рыболовства у калмыков в дореволюционный период // Монголоведение. 2020. Т. 12. № 2. С. 232–243.

Медведев 2013 — *Медведев В. Н.* Рыболовный промысел населения Сарепты и Черноярского уезда Астраханской губернии // Этнографическое обозрение. 2013. № 5. С. 14–21.

О недопущении 1830 — О недопущении калмыков к ловле рыбы на Астраханских казенных рыбных промыслах // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Т. 12. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 587–589.

Об отводе 1830 — Об отводе удобного места на реке Волге для рыбного промысла кочующим при Астрахани калмыкам и о запрещении им ловить рыбу в прочих местах // Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Собрание первое: в 50 тт. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Величества Канцелярии, 1830. Т. 10. С. 254–255.

Павлов 1994 — *Павлов Д. А.* Вопросы истории и строя калмыцкого литературного языка. Элиста: КалмГУ, 1994. 270 с.

Панченко 2006 — *Панченко И. С.* Развитие калмыцкого рыболовства в 40-е гг. XVIII в. // Востоковедные исследования в Калмыкии. 2006. Вып. 1. С. 35–40.

Панченко 2007 — *Панченко И. С.* Политика России и экономическое развитие Калмыкии в первой половине XVIII в. // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 4/3(56). С. 253–256.

Татищев 1990 — *Татищев В. Н.* Записки. Письма. М.: Наука, 1990. 440 с.

Яхонтова 1996 — *Яхонтова Н. С.* Ойратский литературный язык XVII века. М.: Вост. лит., 1996. 152 с.

Rákos 2015 — *Rákos A.* Colloquial Elements in Oirat Script Documents of the 19th Century // Rocznik Orientalistyczny. 2015. T. LXVIII. Z. 2. Pp. 102–114.